

Гибель Богов.

МК "Бульвар", 3 - 9 апреля 2000 года

Версия гибели Курта Кобейна.

Вступление

Курт Кобейн: "Лучше сгореть, чем раствориться"

Шесть лет назад, 5 апреля 1994 года, в Сиэтле, в оранжерее над гаражом своего дома был найден мертвым Курт Кобейн, последняя легенда рок-н-ролла. Лидер Nirvana Кобейн стал рок идолом буквально в одночасье за три года до смерти. Его сравнивали с Джимом Моррисоном по тому магнетизму, который исходил от него на сцене, по той атмосфере отчаянного одиночества, что царила вокруг обоих, и тому презрению к социальным условностям, которое, казалось, было их врожденным качеством. После своей гибели Кобейн окончательно вошел четвертым в знаменитый пантеон Джоуплин - Хендрикс - Моррисон. По иронии судьбы все четверо прожили по 27 лет. Да и причины смерти были схожими - во всех случаях на первом месте фигурировали наркотики.

Однако конкретно с Моррисоном Кобейна связывает и еще одно. Первый умер и был похоронен при крайне загадочных обстоятельствах: его жена Памела, найдя тело, вызвала только одного доктора, который и написал заключение о смерти; не проводилось ни детального осмотра места происшествия, ни вскрытия; мало того, когда по прошествии времени кто-то захотел разыскать врача, выяснилось, что это невозможно - тот словно растворился. Так с тех пор и бродят по свету легенды о пустом гробе на Пер-Лашез и Моррисоне, где-то на краю света смеющимся над своими биографами. Труп Кобейна был опознан с полицейской дотошностью, однако вопросов, связанных с обстоятельствами его гибели, впоследствии нашлось ничуть не меньше, а может, и больше, чем 23 года назад.

Икона гранжа.

Курт Дональд Кобейн родился 20 февраля 1967 года в маленьком городке в 120 километрах от Сиэтла. С детства он рос крайне расторможенным, так что, по американскому обычаю того времени, его закармливали морфиносодержащими лекарствами, дабы он "мог концентрироваться в школе"; побочным эффектом лекарств была бессоница, и мальчику заодно давали успокаивающие. Лекарственная зависимость сохранилась у Кобейна на всю жизнь. К тому же с ранней юности и до конца своих дней он постоянно испытывал боли в животе; иногда они становились столь сильными, что он падал в обморок. Боль стала доминирующим фактором в его сознании - даже в своем последнем письме он упоминает о своем "горящем, тошнотворном животе".

Кобейн не любил школу и купил свою первую гитару в 14 лет - подобные факты встречаются в биографии почти каждого рок-н-рольщика. За несколько недель до окончания школы, в мае 1985-ого, Кобейн бросил учебу и отправился на заработки. Он сменил десяток работ, нигде подолгу не задерживаясь. В 1987 году со своим приятелем Кристофом Новоселиком он организовал группу Nirvana. Спустя два года группа выпустила свой первый альбом, "Bleach", записанный за смехотворную сумму в 600 долларов, и отправилась в тур по Европе и Америке. У нее появились первые почитатели, но не было никакого коммерческого успеха. Так продолжалось до сентября 1991 года, когда на прилавках магазинов появился их второй альбом, "Nevermind".

Сейчас о нем известно, что это "библия гранжа", "лучший рок-альбом 90-х" и т.д. Что творилось в 91-м, уже трудно представить. Это была не слава, это была истерия. Миллионы поклонников по всему свету, интервью, съемки, концерты. Каждый второй музыкант требовал от продюсера, чтобы его музыка звучала, как у Nirvana. Склонный к депрессии ипохондрический молодой человек, что называется, проснулся знаменитым.

Он не особо любил эту шумиху. В своей мнительности он воображал, что его поклонники - это не настоящие поклонники. Он не любил стадионные концерты и предпочитал открытым площадкам клубы. Однако привычка на каждом выступлении быть аппаратуру делала клубные концерты нерентабельными. И он уже не мог отделаться от поклонников. Он был для поклонников богом.

В 1992 году он женился на бывшей стриптизерше, киноактрисе и лидере имевшей посредственный коммерческий успех группы Hole Кортни Лав, старше себя на два года, молодой женщине, отличавшейся крайне мерзким характером и имевшей крайне скверную привычку употреблять тяжелые наркотики. Впрочем, данный вопрос никак не мог служить препятствием к свадьбе: к этому времени Кобейн был законченным наркоманом - тем кого в Америке называют junkie.

Их семейная жизнь, по свидетельству очевидцев, была бесконечной чередой

ссор, скандалов и специфических медицинских проблем. Спустя шесть месяцев после свадьбы у пары родилась дочь Френсис. Согласно многочисленным утверждениям, всегда, впрочем, опровергавшимися Кортни Лав, та употребляла наркотики даже во время беременности.

Nirvana записала еще два альбома, только закрепивших ее успех. Весной 1994 года она должна была выступить хэдлайнером на фестивале в Лоллапалузе, за что по контракту получала 9 миллионов долларов. Но внезапно Кобейн отказался подписывать контракт. Уже давно ходили слухи, что он устал от славы и собирается бросить карьеру музыканта. Устал он и от жены: готовились бумаги к разводу. Кобейн переписывал завещание, из которого собирался убрать Кортни Лав.

30 марта Кобейн попросил своего друга Дилана Карлсона приобрести на свое имя полуавтоматическое дробовое ружье системы "ремингтон", поскольку не желал покупать его сам - ранее полиция уже конфисковала у него несколько единиц огнестрельного оружия. В этот же день он направился из Сиэтла в Калифорнию, в реабилитационный центр неподалеку от Лос-Анджелеса. Спустя четыре дня Кортни Лав наняла бывшего калифорнийского полицейского, а ныне частного детектива Тома Гранта. Она хотела выяснить, кто пользуется кредитной картой ее мужа. На другой день она попросила Гранта выяснить, куда делся сам Кобейн, который второго числа исчез из реабилитационного центра.

Грант отправился в Сиэтл, встретился там с Диланом Карлсоном, и вместе они обыскали дом Кобейна. В доме никого не было. Во всяком случае, так решил Грант.

8 апреля электрик, пришедший установить в доме Кобейна сигнализацию, позвонил в полицию и заявил, что видел через стекло оранжереи, находящейся над гаражом, лежащего человека. Приехавшие полицейские выбили их оранжерею стекло и обнаружили мертвого Курта Кобейна. На груди его лежал дробовик, выстрел был сделан в рот. Рядом лежало водительское удостоверение, очевидно, положенное так самоубийцей для тех, кто будет его опознавать. Предусмотрительность не лишняя, поскольку, как позже сообщали в газетах, выстрел буквально размозжил ему голову. Дверь была заперта и забаррикодованна изнутри. На столе лежала большая записка, прибитая к нему ручкой. Кончалась она так: "Пожалуйста, Кортни, живи ради Френсис. Ради ее жизни, которая будет куда счастливее без меня." Кругом валялись принадлежности употребления героина; героин был в портсигаре; героин был в крови Кобейна. Полиция констатировала, что смерть Курта Кобейна наступила тремя днями раньше; налицо был очевидный случай самоубийства. По крайней мере, так все выглядело в последующих газетных описаниях.

А спустя девять месяцев Том Грант впервые публично высказал утверждение, что Курт Кобейн был убит. Спустя некоторое время он назвал заказчика убийства: его жену Кортни Лав.

Мертвые не нажимают на курок.

Чтобы понять, почему очередная "теория заговора", которыми Америка сыта по горло, не была отвергнута с порога, следует сразу отметить, что автором ее был не малахольный журналист или кинорежиссер, а бывший полицейский и ныне практикующий частный детектив. Хотя, разумеется, не обошлось без журналистов и режиссеров: спустя четыре года два канадских журналиста, Гальперин и Уоллес, опубликовали книгу "Кто убил Курта Кобейна", ранее вышел на экраны документальный фильм Ника Брумфильда "Курт и Кортни"; и фильм, и книга на свой лад подвергали сомнению выводы официального расследования. Однако основную работу проделал именно Грант.

Итак, 3 апреля Кортни Лав позвонила Гранту в его офис в Беверли Хиллз и попросила приехать к ней в отель. Здесь она рассказала ему, что кто-то пользуется кредитной картой ее мужа, которую она уже заблокировала, и попросила выяснить, кто. Она упоминула, что Курт желает с ней развестись и что она требовала, чтобы Курт отправился в Лоллапалузу - не ради себя, так хоть ради дочери. К тому же она сказала, что не знает, где Курт.

Впоследствии, однако, человек, исполнявший у Кобейна обязанности бэби-ситтера - Майкл Дьюитт по прозвищу Кали, заявил, что днем раньше звонил Лав и сообщил, что видел ее мужа неподалеку от его дома в Сиэтле.

На другой день Лав сообщила Гранту, что заявила в отдел о пропаже людей, но отчего-то сделала это от имени матери Кобейна, Венди О'Коннер. Тогда же она сообщила ему, будто "все знают, что он хочет умереть". Грант связался с агентством в Сиэтле, однако там ничего за двое суток установить не смогли. Тогда Грант вызвался поехать в Сиэтл сам.

В Сиэтле он встретил Дилана Карлсона, и вдвоем они обыскали дом. На другой день они предприняли вторую попытку. Все это время Грант не подозревал о существовании в доме оранжереи. Дилан позвонил в Лос-Анджелес Лав и узнал, что та задержана по подозрению в хранении наркотиков. А на следующее утро труп Кобейна обнаружил электрик. Согласно впоследствии опубликованному полицейскому рапорту Кобейн был найден в запертой оранжерее; у двери, ведущей на балкон, стоял стул - собственно, этот стул и превратился позже в баррикаду в отчетах прессы. Замок же на двери был автоматическим, так что закрыть ее можно было, просто хлопнув. С любой стороны.

Один из полицейских достал из лежащего рядом бумажника водительское удостоверение и положил его перед бумажником, дабы сфотографировать. Отсюда проистекла история о якобы положенным самим Кобейном на видное место документе, удостоверяющем личность. Собственно, в этом не было нужды, поскольку голова Кобейна не была "разнесена", как потом заявила Лав: лицо было повреждено, однако вошедший полицейский сразу узнал в мертвце Кобейна, с которым был хорошо знаком.

Дальше появляется главная странность, которую не в состоянии объяснить даже самые рьяные защитники теории самоубийства: на руке у Кобейна были следы от недавних инъекций, а в крови его было обнаружено 1,52 миллиграмма морфина (продукт распада героина) на литр, а также следы диазепама - транквилизатора, усиливающего действие наркотических препаратов. Но и без него такое содержание морфина в крови показывало, что туда было введено 225 - 240 миллиграммов героина, что в три раза превышает установленную во врачебной практике смертельную дозу. В связи с этим не вполне понятно, для чего накроману, сделавшему себе заведомо смертельную инъекцию, брать ружье и стрелять себе в рот? Но дело даже не в этом: согласно независимым медицинским исследованиям, во всех случаях, напоминающих случай Кобейна, смерть человека, независимо от его степени привычки к наркотику, наступала в течение нескольких секунд - некоторые даже не успевали ввести содержимое шприца до конца. Немедленное падение мышечной активности - стандартный результат введения даже гораздо меньшей дозы. Так что возможность, что Кобейн после инъекции всял ружье и выстрелил себе в рот, представляется крайне сомнительной. Одна из статей, приводящая данные клинические сведения, так и называлась: "Мертвые не нажимают на курок".

Однако ситуация было еще более странной: в ружье был не один патрон, а три патрона, что само по себе не удивительно, но вместе с вышесказанным рисует картину просто былинную - точно subtilный Кобейн боялся, что его не возьмет ни героин, ни транквилизатор, ни первая пуля. Для верности самоубийце стоило бы еще подпалить дом и просунуть голову в петлю. Многие вопросы снимало ружье; оно было отправлено на экспертизу. Каким-то образом экспертиза была сделана только спустя месяц. На ружье не было найдено ни одного четкого отпечатка пальцев (стандартная форма, объясняющая, как правило, отсутствие отпечатков как таковых). Довольно трудно себе представить, как человек, перехватывающий ружье в непривычное положение, не оставляет ни единого разборчивого отпечатка. Мало того, та же самая ситуация получилась и с ручкой, которой было написано лежащее на столе письмо.

Само письмо оставляет двойственное впечатление. Оно занимает собой стандартный лист альбомного формата и содержит пространное и несколько вычурное описание Кобейном собственных чувств по отношению к музыке, рок-н-роллу, своему творчеству и своей разочарованности во всем этом. В нем нет ни одной фразы, прямо говорящей о смерти или самоубийстве. Напротив там говорится следующее: " Мне нужно немного побыть немым, чтобы вернуть себе тот энтузиазм, который я имел ребенком". Это больше похоже на желание не писать музыку, нежели на желание умереть. Журналистов особенно впечатлила фраза: "У меня больше нет страсти, но я помню: лучше сгореть, чем раствориться". Можно подумать, что они впервые столкнулись с романтическим клише, весьма подходящем натуре Кобейна.

Единственная фраза, более-менее указывающая на желание Кобейна уйти из жизни, - это уже процитированное выше финальное обращение к жене.

Однако тут есть два "но": в оригинале он обращается к Лав с выражением "keep going", что можно перевести как "живи", а можно - "продолжай делать то, что делаешь". Например, играть музыку и воспитывать дочь, чья жизнь без отца будет "куда счастливее". Отец при этом не обязан умирать. Ему достаточно прости уйти из семьи.

Другое "но" заключается в следующем: последняя строка в письме заметнее светлее основного текста, словно ее писали с другим нажимом или другой рукой. Грант разослал факсимиле письма нескольким экспертам-почерковедам. Они нашли от десяти до двадцати несовпадений в деталях почерка в этой приписке по сравнению с остальным текстом.

Но вернемся к Гранту. 13 апреля он вылетел в Лос-Анджелес для встречи с поверенной Кортни Лав Розмари Кэрролл. Та сообщила ему довольно загадочную вещь: в то время, когда он собирался вылететь в Сиэтл на поиски Кобейна, Лав звонила Дилану Карлсону и сказала ему буквально следующее: "Будь уверен, что ты посмотрел оранжерею". Между тем за два дня поисков в доме Карлсон ни разу в оранжерею не поднялся и не сказал о ее существовании Гранту. Впоследствии на вопрос "почему?" он ответил: "Это маленькая грязная комнатенка. Я и не думал, что там что-то есть". Грант замечал, что сам по себе этот факт не произвел бы на него никакого впечатления, если б не вся атмосфера "неправильности" происходящего. О сходном ощущении ему сообщила Кэрролл. О том же сказала и мать Кобейна, с которой Грант встретился, вернувшись в Сиэтл.

Дальше начинаются вещи более субъективного характера. Грант провел с Лав целый день и отметил ее нервозную разговорчивость. В числе прочего она рассказала ему, что собирается сделать резиновый муляж руки Кобейна и тыкать им всем в нос. Грант заметил, что на такой руке можно и соответствующие отпечатки пальцев отлить из формы. Лав взбесилась. В общем-то это была чистая полицейская провокация, но Грант просто устал: он ежеминутно ловил Лав на какой-нибудь мелкой лжи или несоответствии. Спустя неделю, 25 апреля, Грант, желая прояснить для себя ряд вопросов, пришел в полицейский участок, в отдел расследований убийств, детективы которого были вызваны в апреле в дом Кобейна. Здесь он попросил показать ему фотографии с места происшествия. Сержант, с которым он разговаривал, заявил, что никаких фотографий не существует. Между тем, согласно позднее опубликованному отчету с места происшествия, там были сделаны фотографии сразу с двух камер.

Грант, а с ним и другие, не утверждали, будто Кортни Лав подкупила коррумпированную сиеэтовскую полицию. Объяснение выдвигается более простое: добропорядочным гражданам города просто надоел их именитый соотечественник, наркоман, пренебрегавший элементарными правилами гигиены. Один из проповедников назвал его "бесполезной частью человеческого леса". Все они полагали, что Кобейн заслужил свою участь,

поэтому и расследование было проведено небрежно, и были закрыты глаза на вопиющие несоответствия. С Кортни Лав все сложнее.

Жена-убийца.

Отчего, однако, подозрение вот так сразу пало на нее, и не только у одного Гранта? Ситуация классическая: у нее был мотив. И даже не один. Незадолго до смерти Кобейна Лав разговаривала с Кэрролл в связи с грядущей процедурой развода и просила ее найти "самого злобного и безжалостного адвоката". Известно, что Кобейн собирался вычеркивать ее из завещания, так что по закону из свыше чем 30 миллионов долларов имущества мужа ей оставалось не более одного миллиона плюс расходы на содержание дочери. Известно также, с какой настойчивостью она требовала от Кобейна, чтобы он не отказывался от выступления в Лоллапалузе. Известно и то, что, несмотря на любовь к ней Кобейна, жить вместе они уже более не могли. Кроме того, Лав унаследовала славу Кобейна: интерес к ней и ее группе сразу после смерти Курто тоже вырос необычайно. Ее статус вдовы, мужественно сносящей невзгоды, придал ей в глазах людей ореол героизма и жертвенности, каковую реакцию было нетрудно предугадать. Появилось и еще одно свидетельство: некий рокер и алкоголик, Элдон Хоук, утверждал, что за несколько дней до смерти Кобейна Лав предложила ему 50 тысяч за то, что он убьет ее мужа. Он сообщил, что у них состоялся следующий диалог: "Мой мужик в последнее время стал настоящим засранцем, - сказала Лав. - Я хочу, чтобы ты снес ему его гребаную башку". - "Ты серьезно?" - спросил Хоук. "Да, я серьезна, как сердечный приступ. Я дам тебе 50 тысяч долларов, если ты снесешь его гребанную башку. И чтобы это выглядело как самоубийство". В марте 1996 года Хоука заставили пройти проверку на детекторе лжи. Он ее прошел. Тем не менее дальнейшее расследование было прекращено, а спустя год Хоук был найден мертвым при загадочных обстоятельствах. Другое свидетельство - из разряда трагикомических: сразу же после смерти Кобейна на свет божий вылез папаня Лав Хэнк Харрисон, автор двух биографий Grateful Dead (слава наркоманов прилипла к ним прочно, а Харрисон был им близким другом). Он заявил, что его дочь "убила своего мужа". Аргументация была следующая: "У нее есть темная сторона души". Попытка самораскрутки папаши была настолько циничной, что журналист, добивающийся смертной казни для убийцы, заявил: "Наличие такого отца заставляет меня испытывать сочувствие даже к Кортни Лав". Поведение Лав после смерти мужа тоже выглядело довольно нелогично: она все время путалась в ответах, пыталась взять подпись о неразглашении чего бы то ни было с Гранта, Кэрролл и прочих близких друзей и деловых партнеров, а кроме того, рассказывала невероятно слезливые истории о

совместной жизни с Куртом и его тяжелом характере. Именно с ее легкой руки по миру пошла странствовать версия о суицидальных наклонностях Кобейна. В качестве доказательств приводились предыдущие инциденты, один из которых едва не закончился плачевно: за месяц до смерти Кобейн попал в больницу, приняв смесь алкоголя и химического препарата седативного действия. Его нашла Лав, она и вызвала "скорую". Дело было ранним утром, Лав, по собственному признанию, случайно проснулась. Между тем на фотографии, сделанной прибывшим немедленно репортером, хорошо видим макияж, что довольно странно для проснувшегося человека. В добавок Лав продемонстрировала записку Кобейна: "Доктор Бейкер говорит, что я должен выбрать между жизнью и смертью. Я выбираю смерть". Она назвала записку "предсмертной". Но возможна и другая трактовка: доктор Бейкер был наркологом и, очевидно, объяснял пациенту, что дальнейшее употребление им наркотиков приведет к неименованной смерти; Кобейн отреагировал адекватно: пускай. К самоубийству это имело мало отношения. Да и очнувшийся Кобейн, и сама Лав в то время утверждали, что происшествие - несчастный случай, не более. В попытку самоубийства он превратился позднее, как и два аналогичных.

Лав утверждала, что она неоднократно пыталась отвадить мужа от наркотиков. Если такое и было, то в устах жены-наркоманки подобное требование выглядит по меньшей мере нелепым, так же как и последующее обнародование этой истории для прессы.

Спустя два месяца после гибели мужа Лав вдруг заявила, что перед самоубийством тот написал две записки. Вторая якобы была положена в конверт и сунута под подушку на кровати жены. Немедленно ей позвонил Грант, который сказал, что они с Карлсоном переворошили всю ее кровать в поисках наркотиков и нашли под матрасом транквилизаторы - но письма там не было. Лав предположила, что оно было белое и они не заметили его, однако Грант сказал, что они перетрясли всю постель. Потом он попросил предъявить письмо. Лав сообщила ему несколько цитат, которые можно было трактовать как угодно - и как то, что Кобейн уходит из жизни вообще, и как то, что он уходит из жизни Лав и дочери. Вместе с первым письмом это и уклончивые фразы создавали портрет странного самоубийцы, не желающего на двух страницах говорить о принятом решении прямо. Возникло справедливое подозрение - а не была ли первая записка черновиком обращения к поклонникам с известием о своем уходе из бизнеса, а второе - уведомлением Лав о необходимости расстаться, благо первое письмо имело непонятого адресата - некого Бодду, который, как вспоминала мать, был детским другом Кобейна. Во всяком случае, то, что Лав так долго утаивала вторую записку и не позволила ее опубликовать, только усиливало эту точку зрения.

И наконец, все, кто обвиняет Лав, указывают как на доказательство на ее психологический портрет. На ее истеричную, неврастеничную, самолюбивую

и, по мнению многих хорошо знавших ее людей, жадную натуру. Как пишут в таких случаях романисты, "подозрения упали на благодатную почву".

Сухой остаток.

Разные люди, верящие в виновность Лав, требуют для нее разного: одни - смертной казни, другие - покаяния. Многие считают, что она в ответе и за волну самоубийств среди подростков - на сегодняшний день более 70 человек покончили с собой после известия о гибели их кумира; некоторые из них убили себя выстрелом в рот. Радикалы требуют призвать к ответу еще и "распространяющие ложь" лица и организации - журнал Rolling Stone, MTV, Билли Коргана и всех из Smashing Pumpkins за дружбу с Лав и продюсирование альбомов Hole. Все это, конечно, немного напоминает истерию - не слишком массовую, но все же.

Однако если посмотреть более-менее трезво на сухой остаток, появляющийся после знакомства с разными аспектами трагедии, то станет ясно: на Кортни Лав накинута просто как на очевидную "ведьму". Она, безусловно, может раздражать, и роль ее в этой истории довольно неприглядная, но, кроме несовпадений, туманных подозрений, мотива да психологического портрета, у обвиняющих ее людей нет ни одного серьезного доказательства ее причастности к преступлению. Не каждый истерик - убийца, равно как и не все жены убивают богатых мужей. Хотя, разумеется, на них первых падает подозрение.

А вот что касается вопроса - убийство это или самоубийство? - то тут сложнее. Полицейское расследование действительно было проведено предельно халатно и с нарушением процедур - умышленно или по небрежности, сказать трудно. Некоторые обстоятельства происшествия, отраженные и в официальных бумагах, прямо-таки вопиют о недостаточном к себе внимании. В конце концов, действительно, мертвец не нажимает на курок. И Лав, всеми всеми силами добивавшаяся скорейшего прекращения всех следственных действий, виновна по меньшей мере в попустительстве. Так что можно по-разному относиться к деятельности тех, кто требует нового расследования: можно находить у них несообразности, мании, личную ненависть к Кортни Лав - но уже одно то, что они добиваются повторного открытия столь темного дела, заставляет признать их усилия не бессмысленными. В конце концов это нужно во имя памяти Кобейна и нужно во имя торжества краеугольного принципа правосудия - принципа необратимости наказания. Так что, может быть, мы еще узнаем правду. Хотя вряд ли. Столько времени прошло.